

УДК 821.581

DOI 10.21661/r-114934

*К.Е. Барабошкин***ВАН ЧУН (I В. Н. Э.) О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗНАНИЯ И ЕГО
ВЫРАЖЕНИИ В ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация: в данной статье автором рассмотрено отношение Ван Чуна к происхождению знания, которое сильно влияет на его восприятие классической литературы. Исследование основано на анализе глав трактата, переведённых автором.

Ключевые слова: Ван Чун, весы суждений, китайская литература, китайская поэтика, Луньхэн, взвешивание суждений.

*К.Е. Baraboshkin***WANG CHONG (I A. D.) ABOUT KNOWLEDGE ORIGIN AND ITS
EXPRESSION IN LITERATURE**

Abstract: the author of this article describes some of Wang Chong's (I A.D.) thoughts about the origin of knowledge. Which in turn affects his idea about the Classics and its creators. The analysis is based on the analysis of chapters from Wang Chong's work, which were translated by the author.

Keywords: Wang Chong, Chinese literature, Chinese poetics, Lunheng, balanced views.

Ещё до своего окончательного оформления в эпоху Тан, на страницах трактата «Резного дракона литературной мысли» Лю Се [1], который был написан в период, когда утвердились «три учения» (Конфуцианство, Даосизм и Буддизм) [2], литературная мысль прошла немалый путь развития. И в этом плане, весьма интересным является переломный момент – переход от древности, к средневековью, когда акцент мыслителей сместился с древности на современность, о чём уже говорилось в одной из предыдущих статей [3].

Проблема отношения древности и современности тесно связана и с вопросом о происхождении знания. Потому как преклонение перед древностью приводило к тому, что премудрые (*шэн* 聖) и достойные (*сянь* 賢) (понятия встречаются ещё в «Беседах и суждениях» Конфуция [4], древности чуть ли не обожествлялись. Им приписывались совершенно фантастические свойства – умение предвидеть будущее, обладать знанием всего сущего ещё до рождения – подобного рода взгляды Ван Чун резко осуждал. Он был уверен в том, что литераторы, жившие многие века назад – это обычные люди со своими недостатками и достоинствами. И знания они получали точно так же, как их могут получить современники мыслителя.

Ван Чун весьма скрупулёзно разбирает этот вопрос в главах «Истинные знания» (*шичжи* 實知) и «Познание истины» (*жишань* 知實) и доказывает, что не существует врождённого абсолютного знания, которое зачастую приписывают премудрым и достойным:

«Между небом и землёй, среди тех, кто обладает кровью, нет тех, кто от природы обладает [абсолютным] знанием» (天地之間，含血之類，無性知者) [5, с. 1622].

«Премудрые и достойные не могут обладать абсолютным знанием, им необходимо полагаться на уши и глаза, для того чтобы определять истинность вещей» (實者、聖賢不能知性，須任耳目以定情實) [5, с. 1626].

«Не спрашивая, самому знать, не изучая, самому понимать – ни в древности, ни в современности, никогда такого не существовало» (不問自曉，不學自知，古今行事，未之有也) [5, с. 1610].

Из этих отрывков можно сделать сразу несколько выводов:

Ван Чун не верил в то, что знание присуще человеку от рождения. Любой человек, будь он по природе достойным или невежественным рождается без знаний. Врождённого опыта не существует как такового.

Любое знания добывается путём эмпирическим, а далее включается процесс умозрения – если человек талантлив, то всё, то, что он получает из внешнего

мира – это не голая информация, а лишь отправная точка в размышлении, а размышления заканчиваются выводами, и если посылки были правильными, то и выводы оказываются верными.

Такие вещи как мистическое предвидение или мистическое предсказание попросту не существуют, всё это – результат детального анализа наблюдаемых общественных и природных явлений, благодаря которому люди талантливые способны делать далеко идущие выводы. А так как люди недалёкие не умеют верно осмыслять полученную информацию, то не могут себе представить, как человек мог чистым умозрением прийти к верным выводам, а потому считают это предвидением и волшебством.

Единственное, что по-настоящему отличает человека умного от невежественного – наблюдательность и внимание к деталям, умение задавать вопросы и тяга к истине.

Для человека не существует того, чего познать нельзя. Необъяснимое остаётся таковым лишь до тех пор, пока не появится талант, который сможет прояснить ситуацию. Принимая во внимание тот факт, что Ван Чун говорит о качественном и количественном накоплении знания с течением времени, можно утверждать, что если люди прошлого не могли трактовать какие-то события исходя из «разумного основания» (理 理), то они выдумывали нечто фантастическое для обоснования. Люди будущего, пользуясь накопленным материалом должны анализировать подобного рода фантастические толкования явлений и указывать на их истинную сущность: *«Все события в Поднебесной, и вещи, что встречаются на свете, можно осмыслить и познать, [и поэтому] даже глупец может раскрыть их и понять; а то, что не может быть обдуманно и познано, даже премудрый не сможет осознать»* (天下之事，世間之物，可思而，愚夫能開精; 不可思而知，上聖不能省) [5, с. 1626].

То есть, в знаниях премудрых и достойных нет ничего сверхъестественного, даже глупые люди, умей бы они правильным образом направлять свою мысль, могли постичь суть вещей.

Это не противоречит рассуждениям Ван Чуна об изначальной природе (自然), мыслитель утверждает, что изначальная природа премудрого не даёт ему врождённых знаний, она даёт лишь потенциал для развития, который можно развить, а можно забросить: *«Если же [ничего премудрые] не видели и не слышали, то и не во что [им будет] оформить [свои высказывания]»* (如無聞見, 則無所狀) [5, с. 1604].

А потому знание становится очевидным преимуществом тех премудрых, которые реализуют свой природный потенциал. Здесь Ван Чуну не чуждо понимание того, что гораздо позже, уже в рамках европейской традиции Фрэнсис Бэкон сформулирует в афоризме «знание – сила» – некоторые премудрые пользуются превосходством в познании действительности и до поры до времени утаивают свои наблюдения, раскрывая их только тогда, когда им это будет выгодно.

Разница же между премудрыми и достойными в плане оперирования информацией такая же, как разница между достойными и людьми заурядными – их потенциал чуть выше, а потому они могут больше слышать, могут быть усерднее в учёбе, тщательнее анализировать поступившую информацию и именно поэтому превосходят окружающих, а вовсе не потому, что обладают врождённым абсолютным знанием.

Если сравнить данные размышления с античной традицией, от которой Ван Чун по времени отстоит недалеко, то можно определить позицию мыслителя как далёкую от софистов и близкую к эмпирикам. Рационалистичность во взглядах мыслителя также присутствует, так многие главы трактата он посвящает критике всякой мистики и суеверий с точки зрения рации, хотя подобная критика и имеет свои границы (далеко не каждое суеверие Ван Чун почитает несостоятельным), как и у всех мыслителей в древности.

Высказывание Протагора: «Человек есть мера всех вещей» – подходит для понимания концепции знания у автора «Весов суждений», только с той лишь оговоркой, что указывает она в данном случае не на относительность знания, понимание которой было присуще софистам, а на изначальное равенство в процессе познания всех людей. Даже заурядный человек, если только он не обладает

«абсолютной глупостью» (*сяюй* 下愚), может потенциально познать многое, если будет над собой работать и обучаться.

В отличие от софистов, мыслителя не смущает тот факт, что знание и истина относительны – для Ван Чуна всё то, что человек может познать, он обязательно познает с течением времени (через года или века), если будет прикладывать усилия, и истина в этом плане одна. Если же существует нечто, чего познать невозможно – не познает, а потому непознаваемое человеку не нужно – оно всё равно не применимо в жизни, поэтому человек действительно является мерой всех вещей. Однако пределы и рамки познания определяются врождённым талантом, который, в свою очередь, устанавливает способности к оперированию и обработке человеком получаемой информации.

В отличие от рационалистов, Ван Чун не говорит ни о каких «универсалиях», заключённых в человеке до рождения, более того он категорически против идей о «врождённом знании» – человек получает все знания эмпирическим путём после своего рождения. В отличие же от эмпириков, которые хоть доверяли чувственному познанию, но некоторые из них признавали, что оно может вводить в заблуждение и нуждается в проверке на опыте, мыслитель не сомневается в чисто эмпирических данных, полученных от органов восприятия (в его формулировке это глаза и уши), он сомневается лишь в том, что каждый человек способен верным образом интерпретировать эту информацию, а потому и не каждый найдёт ей должное применение. Более того, неспособные к анализу люди, занимающие высокие посты, могут, неверно интерпретировав полученную информацию, нанести непоправимый ущерб государству. Получается, что важно не просто знание, но и понимание того, что ты изучаешь, чрезвычайно важна работа мысли.

Как можно видеть, тематика познания и знания весьма интересна в контексте исследования литературной мысли Ван Чуна и его предшественников, и требует более глубокого и детального анализа, равно как и типологическое сравнение мыслей античных авторов и древних китайских мыслителей. Подобное исследование планируется осуществить в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Стеженская Л.В. Уровни понятия вэнь в трактате Лю Се Резной дракон литературной мысли // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2013. – Т. 2. – №1 (13). – С. 56–61.
2. Литвинцев О.С. Идеология раннего китайского буддизма (по материалам буддийских сочинений эпохи восточная цзинь) // Буддийские тексты Китая, Тибета, Монголии и Бурятии: Сборник статей / Отв. ред. Л.Е. Янгутов. – Улан-Удэ, 2014. – С. 89–96.
3. Барабошкин К.Е. Ван Чун (I в. н. э.). Взвешивание суждений. Глава о превосходстве и необычности // Перевод и комментарий: Вестник Московского университета. Востоковедение. – 2015. – №3. – С. 79–91.
4. Семененко И.И. Изречения (Луньюй) // Приложения. – М.: Terra – Книжный клуб, 2009. – 432 с.
5. Юань Хуачжун. Перевод «Весов суждений» в трёх томах / Юань Хуачжун, Фан Цзячан // Переводы известных древнекитайских сочинений. – Гуйян:Изд-во Гуйчжоу Жэньминь Чубаньшэ, 1993. – 1861 с.

Барабошкин Константин Евгеньевич – научный сотрудник кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Россия, Москва.

Baraboshkin Konstantin Evgenievich – researcher of the Department of Chinese Philology of the Institute of Asian and African Studies FSFEI of HE “M.V. Lomonosov Moscow State University”, Russia, Moscow.
